

18+

Михаил Журавлев

**Диета
для
чудовища**

Михаил Журавлев

Диета для чудовища

«Издательские решения»

Журавлев М.

Диета для чудовища / М. Журавлев — «Издательские решения»,

Город спал, укутанный в серую пелену осеннего тумана. Улицы, вымощенные старым булыжником, блестели от недавнего дождя, а фонари, словно уставшие стражи, бросали на мокрый асфальт тусклые жёлтые пятна света. Ветер, пробираясь между домами, завывал в щелях старых ставен, словно жаловался на одиночество и тоску. В этом городе, где каждый камень помнил сотни историй, казалось, даже время текло медленнее, вязко, как смола.

© Журавлев М.

© Издательские решения

Содержание

Диета для чудовища	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Диета для чудовища

Михаил Журавлев

© Михаил Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0070-1590-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Диета для чудовища

Глава 1

Город спал, укутанный в серую пелену осеннего тумана. Улицы, вымощенные старым булыжником, блестели от недавнего дождя, а фонари, словно уставшие стражи, бросали на мокрый асфальт тусклые жёлтые пятна света. Ветер, пробираясь между домами, завывал в щелях старых ставен, словно жаловался на одиночество и тоску. В этом городе, где каждый камень помнил сотни историй, казалось, даже время текло медленнее, вязко, как смола.

В одном из таких домов, на втором этаже, в комнате с высоким потолком и облупившейся лепниной, сидел молодой человек. Его звали Алексей. Он смотрел в окно, за которым простиралась пустая улица, и думал о том, как быстро проходит жизнь. Ему было двадцать пять, но в его глазах уже читалась усталость, свойственная людям, прожившим гораздо больше. Алексей был мечтателем, но мечты его давно разбились о суровую реальность. Он мечтал о большом искусстве, о славе, о том, чтобы его имя осталось в веках. Но вместо этого он работал в пыльной конторе, перебирал бумаги и мечтал по ночам.

Комната его была скромной, почти аскетичной. Узкая кровать, покрытая старым пледом, письменный стол, заваленный книгами и черновиками, да скрипучий стул — вот и всё убранство. На стене висела репродукция картины какого-то старого мастера: бурное море, корабль, борющийся с волнами. Алексей часто смотрел на эту картину и видел в ней отражение своей собственной жизни — вечная борьба с непреодолимой стихией.

Внизу, на первом этаже, жила его мать. Она была женщиной тихой и кроткой, всю жизнь проработавшей швеей. Её руки были исколоты иглой, а глаза потускнели от слёз и бессонных ночей. Она любила сына безмерно, но не понимала его стремлений. Для неё счастье заключалось в простом: в тёплом доме, в куске хлеба на столе, в спокойствии. Она часто говорила Алексею: «Брось ты эти свои фантазии, сынок. Найди себе нормальную работу, женись, живи как все». Но Алексей лишь молча кивал и уходил в свою комнату, чтобы снова погрузиться в мир своих грёз.

В тот вечер он снова сидел у окна и курил дешёвые папиросы. Дым клубами поднимался к потолку, растворяясь в полумраке комнаты. Алексей думал о завтрашнем дне — дне его рождения. Ему исполнялось двадцать шесть. Ещё один год пролетел незаметно, словно лист, сорванный ветром с дерева. Он не ждал от этого дня ничего особенного. Знал, что мать испечёт пирог, что придут пара знакомых с работы, что всё будет так же серо и буднично, как всегда.

Но в глубине души он надеялся на чудо.

Чудо не заставило себя ждать.

Около полуночи в дверь тихо постучали. Алексей вздрогнул. В такое время гостей он не ждал. Он медленно поднялся со стула и направился к двери. Сердце его билось учащённо, предчувствуя что-то необычное.

За дверью стоял незнакомец.

Это был высокий мужчина лет сорока, одетый в дорогое пальто. Его лицо было скрыто тенью широкополой шляпы, но даже в полумраке Алексей заметил холодный блеск его глаз.

«Алексей?» — голос незнакомца был низким и властным.

«Да...» — растерянно ответил Алексей.

«У меня для вас письмо», — сказал незнакомец и протянул конверт.

Алексей взял конверт дрожащими руками. На нём не было ни адреса, ни имени отправителя.

«Кто вы?» — спросил он.

Но незнакомец лишь молча кивнул и растворился в темноте лестничной клетки так же внезапно, как и появился.

Алексей вернулся в комнату и сел за стол. Он долго смотрел на конверт, не решаясь его открыть. В нём было что-то зловещее и одновременно притягательное. Наконец, собравшись с духом, он разорвал бумагу и достал листок.

На листке было всего несколько строк:

«Алексей, ваши мечты могут стать реальностью. Приходите завтра в полночь к старому театру на окраине города. Вас будут ждать».

Подписи не было.

Алексей перечитал записку несколько раз. Он не знал, кто написал это письмо и что его ждёт у старого театра. Но одно он знал точно: его жизнь больше никогда не будет прежней. Ветер за окном усилился, дождь забарабанил по стеклу с новой силой. Алексей улыбнулся впервые за долгое время. Это была улыбка человека, который почувствовал дыхание судьбы.

Глава 2

Ночь окутала город плотным, почти осязаемым мраком, сквозь который пробивались лишь редкие огни фонарей, похожие на тусклые звёзды, затерянные в бездне. Алексей шёл по мокрому улицам, сжимая в кармане пальто смятый конверт. Сердце билось неровно, то замирая, то пускаясь вскачь, словно пытаясь вырваться из груди. Он не знал, что ждёт его у старого театра, но чувствовал: этот шаг изменит всё.

Театр стоял на самой окраине, там, где город постепенно уступал место пустырям и заброшенным складам. Когда-то это было величественное здание с колоннами и лепниной, но теперь оно напоминало скелет гигантского животного, обглоданного временем и забвением. Окна были заколочены досками, афиши выцвели и облезли, а у входа валялись осколки кирпича и обрывки газет.

Алексей остановился перед массивной дубовой дверью. Она была приоткрыта, словно приглашая его внутрь. Он глубоко вдохнул сырой осенний воздух и шагнул в темноту.

Внутри пахло пылью, сыростью и старым деревом. Его шаги гулко отдавались в пустом вестибюле. Он прошёл мимо кассы, за мутным стеклом которой всё ещё лежали пожелтевшие билеты на спектакли, которых уже никто не помнил. Поднявшись по широкой мраморной лестнице, покрытой потрескавшимся ковром, он оказался в фойе. Здесь царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь скрипом половиц под его ногами.

Внезапно впереди мелькнул свет. Из-за одной из дверей пробивалась тонкая полоска жёлтого света. Алексей направился туда и осторожно толкнул дверь.

Он оказался в зрительном зале. Сцена была пуста, но в первых рядах партера горела одинокая лампа, освещающая кресло, в котором сидел человек. Это был тот самый незнакомец, что принёс ему письмо.

«Вы пришли», — произнёс он, не оборачиваясь. Его голос эхом разнёсся по пустому залу.

«Кто вы?» — спросил Алексей, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Незнакомец медленно повернулся. Теперь Алексей мог разглядеть его лицо: резкие черты, холодный взгляд и едва заметную усмешку в уголках губ.

«Меня зовут Виктор», — сказал он. «Я директор театра».

«Театра? Но он же закрыт», — удивился Алексей.

«Для обывателей — да», — Виктор встал и сделал несколько шагов к краю сцены. «Но для избранных он открыт всегда. Мы ставим здесь особенные спектакли».

«Какие?»

Виктор загадочно улыбнулся и щёлкнул пальцами. В ту же секунду на сцене вспыхнули софиты, заливая её ослепительным светом. Алексей прикрыл глаза рукой.

Когда он снова смог видеть, на сцене уже стояли декорации: интерьер богатой гостиной. А посреди сцены стояли люди — актёры в старинных костюмах. Но что-то в них было не так. Их движения были слишком резкими, слишком механическими, словно у марионеток.

«Это не люди», — прошептал Алексей.

«Верно», — кивнул Виктор. «Это тени прошлого. Мы оживляем их. Мы возвращаем к жизни великие драмы».

Он подошёл к Алексею вплотную и посмотрел ему прямо в глаза.

«Мы видели ваши черновики, Алексей. У вас есть талант. Но вы боитесь его. Вы прячетесь от него в своей конторе».

«Откуда вы знаете?»

«Мы знаем о вас всё». Виктор сделал паузу. «Мы предлагаем вам сделку. Вы станете частью нашего театра. Вы будете писать для нас пьесы. Великие пьесы о жизни и смерти, о любви и предательстве».

«А взамен?»

Виктор улыбнулся ещё шире, и в этой улыбке было что-то хищное.

«Взамен вы отдадите нам свою жизнь. Не сразу. Постепенно. По частям. Каждая написанная вами пьеса будет забирать год вашей жизни».

Алексей отшатнулся.

«Это безумие».

«Безумие — это жить так, как живёте вы», — спокойно возразил Виктор. «Быть живым мертвецом. Писать в стол для потомков, которых никогда не будет. Мы предлагаем вам бессмертие другого рода. Ваше имя будет жить вечно в этих стенах».

Алексей посмотрел на сцену, на механические фигуры актёров, на пыльный бархат кресел. Он представил себе свою жизнь — серую, однообразную, уходящую впустую.

А потом он посмотрел на Виктора и увидел в его глазах не предложение, а приговор.

Он понял, что это ловушка. Красивая, заманчивая, но смертельная ловушка для таких мечтателей, как он.

Он развернулся и бросился к выходу, не оглядываясь. Он слышал за спиной смех Виктора — тихий, шелестящий смех, похожий на шорох сухих листьев.

Алексей выбежал на улицу и жадно вдохнул холодный воздух. Он бежал по тёмным улицам до самого дома, не разбирая дороги.

Забежав в свою комнату, он запер дверь на ключ и бросился к столу. Он схватил все свои черновики — пьесы, рассказы, стихи — и начал рвать их на мелкие кусочки.

Он больше не хотел быть писателем.

Он хотел просто жить.

Но когда последний листок упал на пол, он вдруг заметил на столе ещё один конверт. Он был точно таким же, как первый.

Дрожащими руками он открыл его.

Там было всего одно слово:

«Поздно».

Улучшить текст в Умном редакторе

Глава 3

Алексей застыл, сжимая в руке смятый листок с единственным словом: «Поздно». Сердце, только что выплеснувшее адреналин бегства, теперь билось глухо и тяжело, словно пытаясь пробить грудную клетку. Он обвёл взглядом комнату, ставшую вдруг чужой и враждебной. Тени в углах, казалось, сгустились, вытянулись, прислушиваясь к его дыханию. Он бросил обрывки своих рукописей на пол, но вместо чувства освобождения ощутил лишь пустоту и липкий, холодный страх.

В коридоре скрипнула половица.

Это был тихий, едва различимый звук, который в ночной тишине прозвучал как выстрел. Алексей замер, задержав дыхание. Скрип повторился, уже ближе. Кто-то медленно поднимался по лестнице. Каждый шаг отдавался в его голове гулким эхом, словно тяжёлый молот бил по наковальне. Он не мог пошевелиться, парализованный ужасом. Дверная ручка медленно повернулась.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла его мать.

Её лицо было бледным, почти серым в тусклом свете лампы. В глазах застыло выражение бесконечной усталости и тихой скорби. Она смотрела не на сына, а сквозь него, будто видела что-то, недоступное его взору.

«Мама?» — голос Алексея сорвался на шёпот.

Она медленно вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Её движения были неестественно плавными, лишёнными привычной суетливости.

«Ты получил письмо», — произнесла она. Это был не вопрос, а утверждение.

Алексей отшатнулся.

«Откуда ты знаешь?»

«Я всегда знала», — её голос был ровным и безжизненным, как шелест осенних листьев. «Этот театр... он забрал твоего отца».

Слова ударили Алексея сильнее любого физического удара. Его отец, которого он почти не помнил — лишь смутный образ из старых фотографий — ушёл из семьи, когда Алексею было пять лет. Мать никогда не говорила о нём, а на все расспросы отвечала лишь сухо: «Он нас бросил».

«Он не бросил нас», — продолжила мать, подходя к окну и глядя на тёмную улицу. «Он ушёл туда. Виктор... он нашёл его. Твой отец был талантливым художником. Он мечтал о вечности для своих картин. Виктор предложил ему сделку».

Она повернулась к сыну, и в её глазах блеснули слёзы.

«Он отдал свою жизнь за талант. Год за картину. Сначала он писал шедевры. Мы не знали нужды. Но потом... потом краски на его палитре стали тускнеть, а он сам начал угасать. Он отдал всё. Своё здоровье, свою молодость... свою душу». Она сделала паузу, собираясь с силами. «В последний год он был лишь тенью человека. Он умер за мольбертом, закончив свою последнюю картину».

Алексей смотрел на мать и видел перед собой не просто уставшую женщину, а человека, который десятилетиями носил в себе эту страшную тайну.

«Почему ты мне не говорила?»

«Я хотела уберечь тебя от этого проклятия», — её голос дрогнул. «Я видела в тебе тот же огонь, ту же жажду большего. Я боялась, что ты пойдёшь по его стопам».

Внезапно её взгляд стал острым и пронзительным.

«Но ты уже сделал свой выбор сегодня ночью».

Алексей похолодел.

«Я отказался! Я порвал всё!»

Мать горько усмехнулась.

«Ты пришёл туда. Ты переступил порог. Ты вдохнул воздух этого места. Договор заключён не чернилами на бумаге, сынок. Он заключён кровью и желанием, которое живёт в твоём сердце».

Она подошла к нему вплотную и взяла его за руку. Её ладонь была ледяной.

«Теперь ты принадлежишь ему».

В комнате повисла гнетущая тишина. Алексей чувствовал, как внутри него что-то надломилось. Его панический страх перед таинственным театром сменился другим чувством — глухой, безысходной яростью и осознанием фатальной предопределённости.

Мать выпустила его руку и направилась к двери.

«Что мне делать?» — крикнул он ей вслед.

Она остановилась на пороге и обернулась.

«Ты уже знаешь», — тихо сказала она и вышла, оставив его одного в звенящей тишине.

Алексей остался стоять посреди разорённой комнаты. Он посмотрел на обрывки своих рукописей на полу, затем перевёл взгляд на репродукцию с бушующим морем на стене.

И впервые он увидел в ней не символ своей борьбы со стихией, а отражение неизбежности.

Шторм нельзя остановить. В него можно только войти.

Он медленно наклонился и поднял с пола один из уцелевших листков. На нём была оборвана фраза: «...и герой понял, что единственный способ победить судьбу — это принять её условия».

Алексей сел за стол, достал ручку и положил перед собой чистый лист бумаги.

Он больше не бежал от своего дара и от своего проклятия.

Он начинал писать свою первую пьесу для старого театра.

Глава 4

Прошла неделя. Город за окном погрузился в серую, безысходную хмарь, будто само небо оплакивало чью-то судьбу. Алексей почти не выходил из комнаты. Дни и ночи слились для него в единый, монотонный поток, единственным мерилом которого был скрип пера по бумаге. Он писал. Пьеса рождалась на свет не постепенно, а единым порывом, словно кто-то диктовал ему строки, а он лишь послушно записывал их, боясь упустить хоть слово. Сюжет был мрачен и величественен: история художника, продавшего свой талант за бессмертие, но потерявшего всё человеческое. Алексей не узнавал себя в этом тексте, он чувствовал себя лишь инструментом, проводником чужой воли.

Когда последняя точка была поставлена, в комнате воцарилась абсолютная тишина. Алексей откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он чувствовал не радость завершения, а лишь опустошающую усталость, будто из него вынули душу и оставили одну оболочку. Он посмотрел на стопку исписанных листов. Пьеса была готова. Его часть сделки выполнена.

Внезапно за окном раздался звук, который он меньше всего ожидал услышать в этом мёртвом районе — шум мотора и скрип тормозов. Алексей подошёл к окну и выглянул наружу. У подъезда стоял чёрный автомобиль, сверкающий лаком даже в тусклом свете дня. Из него вышел шофёр в форменной фуражке и открыл заднюю дверь.

Из машины вышла женщина.

Она была одета с безупречным вкусом: длинное пальто из дорогой ткани, тонкие перчатки, в руках — маленькая сумочка. Но больше всего Алексея поразило её лицо. Оно было ему знакомо. Он видел его на старых фотографиях, которые мать прятала на дне комода. Это была она — его тётя, сестра отца, которую он никогда не знал. Мать говорила, что она уехала за границу много лет назад и порвала все связи с семьёй.

Женщина подняла голову и посмотрела прямо на его окно. Их взгляды встретились. В её глазах не было удивления, лишь холодное, оценивающее спокойствие. Она едва заметно кивнула ему, словно старому знакомому, и направилась к подъезду.

Через несколько минут в дверь его комнаты постучали. Это был не робкий стук матери, а уверенный, властный удар. Алексей открыл дверь.

На пороге стояла она.

«Здравствуй, Алексей», — её голос был низким и мелодичным, без тени сомнения или приветливости. «Я полагаю, ты меня ждал».

«Я... я не знаю», — растерянно пробормотал он, отступая в сторону, чтобы пропустить её.

Она вошла в комнату, окинув её быстрым, цепким взглядом профессионала, оценивающего товар.

«Тесновато», — констатировала она без тени осуждения. «Но это не имеет значения. Скоро у тебя будет всё, что пожелаешь».

«Кто вы?»

«Меня зовут Элеонора», — она сняла перчатки с медленной грацией хищника. «Я твоя тётя. И я представляю интересы нашего... семейного бизнеса».

«Какого бизнеса?»

Она подошла к столу и взяла верхний лист его рукописи.

«Вот этого», — она пробежала глазами по строкам и удовлетворённо улыбнулась. «Виктор — прекрасный режиссёр, но он всего лишь исполнитель. Он находит таланты и эксплуатирует их по стандартной схеме. Я же занимаюсь стратегией. Я управляю брендом».

Алексей смотрел на неё, ничего не понимая.

«Твой отец был гением», — продолжила Элеонора, положив рукопись обратно на стол. «Его картины... они не просто висели в галереях. Они меняли людей. Владельцы этих полотен получали то, о чём мечтали: власть, богатство, любовь. Но цена была высока. Виктор забирал жизнь художника. Я же предлагаю иную модель».

Она подошла к нему вплотную.

«Ты написал гениальную пьесу. Теперь она будет поставлена. Она прогремит на весь мир. Критики будут в восторге. Ты станешь знаменитым драматургом». Она сделала паузу, наслаждаясь произведённым эффектом.

«А потом ты напишешь следующую пьесу для нас».

«И вы заберёте ещё один год моей жизни?»

Элеонора рассмеялась — звонко и холодно.

«Нет, дорогой мой. Это слишком примитивно. Мы живём в современном мире. Жизнь художника — это слишком дорогая валюта для одного лишь искусства». Она достала из сумочки визитную карточку из плотного чёрного картона с серебряным тиснением.

«Мы будем продавать не пьесы. Мы будем продавать эмоции, которые они вызывают. Мы будем продавать опыт сопричастности к великому искусству тем, кто готов за это платить по-настоящему высокую цену».

Алексей наконец начал понимать.

«Вы хотите продавать... годы жизни зрителей?»

«Браво!» — Элеонора похлопала в ладоши. «Не годы жизни напрямую, конечно. Это было бы слишком заметно и вызвало бы ненужные вопросы у властей предрежащих. Мы будем продавать им... отсрочку от неизбежного. Маленький кусочек бессмертия в обмен на их деньги и влияние».

Она протянула ему визитку.

«Ты будешь писать пьесы для избранной публики. Богатейшие люди мира будут стоять в очереди за билетами в наш театр не ради развлечения, а ради спасения своих никчёмных душ от забвения».

Алексей посмотрел на чёрный прямоугольник в её руке.

«А если я откажусь?»

Элеонора перестала улыбаться. Её лицо стало жёстким и непреклонным.

«Ты уже не можешь отказаться, Алексей». Её голос стал похож на скрежет металла по стеклу. «Ты написал первую пьесу по договору с Виктором. Твоя подпись поставлена кровью твоего таланта в тот момент, когда ты переступил порог театра. Теперь ты принадлежишь не только ему... ты принадлежишь семье».

Она развернулась и пошла к двери.

«Отдыхай», — бросила она через плечо уже у порога. «Скоро начнётся твоя настоящая жизнь».

Дверь закрылась.

Алексей остался один посреди комнаты, сжимая в руке чёрную визитку с серебряными буквами: «Элеонора Воронцова. Куратор проектов „Вечность“». Он посмотрел на свою пьесу на столе, затем на обрывки старых черновиков на полу.

Он думал, что спасается от проклятия отца, но лишь глубже увяз в паутине куда более изощрённой и страшной игры.

Он был не просто жертвой или творцом.

Он стал наследником семейного бизнеса по торговле бессмертием.

Глава 5

Премьера была назначена на вечер пятницы. Весь день Алексей провёл в странном оцепенении, механически выполняя указания Элеоноры. Она появилась в его жизни как ураган, мгновенно заполнив собой всё пространство. Она сняла для него просторную квартиру в центре, завалила его дорогими костюмами и книгами, приставила помощника, который следил за его распорядком дня. Он стал экспонатом, ценным активом, который готовили к выходу на рынок.

К вечеру он был одет в строгий смокинг, который сидел на нём идеально, но ощущался как чужая кожа. Элеонора заехала за ним лично. Всю дорогу в роскошном автомобиле она молчала, глядя в окно на проносящиеся мимо огни вечернего города. Алексей тоже молчал, чувствуя себя пассажиром поезда, несущегося в пропасть.

Театр преобразился. Исчезли пыль и паутина. Фасад был подсвечен мощными прожекторами, у входа стояла красная ковровая дорожка, по которой текла река дорогих нарядов, драгоценностей и надменных улыбок. Это был не театр, а биржа тщеславия, где котирировалась самая дорогая валюта — время.

Их провели через служебный вход прямо за кулисы. Алексей увидел Виктора. Режиссёр был в своей стихии: он отдавал короткие, лающие команды, его глаза горели лихорадочным огнём. Он скользнул по Алексею равнодушным взглядом, словно проверяя, на месте ли реквизит.

«Пять минут», — бросил он и скрылся в темноте.

Элеонора сжала плечо Алексея ледяными пальцами.

«Помни свою роль. Ты — гений. Они пришли поклониться тебе».

Его вытолкнули на сцену под ослепительный свет софитов. Зал был полон. Сотни лиц слились в одно пёстрое пятно. В первых рядах он заметил Элеонору, сидевшую рядом с седовласым мужчиной в бриллиантовых запонках. В директорской ложе кто-то поднял бокал.

Спектакль начался.

Актёры играли безупречно. Слова, написанные Алексеем, оживали, обретая плоть и кровь. История художника-отступника звучала со сцены как приговор и как гимн одновременно. Алексей смотрел из-за кулис на это действие и не узнавал своё творение. Оно казалось ему чужим, холодным и расчётливым.

В кульминационной сцене, когда главный герой умирал на руках у возлюбленной, в зале повисла абсолютная тишина. А затем грянули аплодисменты. Не просто вежливые хлопки — это был шквал, оvação, цунами восторга. Люди вставали с мест, кричали «браво!», их глаза блестели не от слёз сопереживания, а от какого-то иного, лихорадочного возбуждения.

Занавес опустился и поднялся снова. На авансцену вывели Алексея. Свет бил в глаза, он почти ничего не видел, кроме ослепительного пятна и тянущихся к нему рук из темноты зала. Он кланялся механически, как кукла.

И тут он увидел её.

В первом ряду партера стояла девушка. Она не хлопала. Она не вставала. Она просто смотрела на него. На ней было простое тёмное платье, которое резко выделялось на фоне блеска и мишуры вокруг. Её взгляд был спокоен и глубок. В нём не было ни восхищения, ни зависти — только тихое понимание.

В этот момент что-то внутри Алексея оборвалось. Восторженный рёв зала стал тише, превратился в далёкий гул. Всё это — костюмы, свет, аплодисменты — вдруг показалось ему дешёвой мишурой, фальшивкой. Единственной реальностью в этом театре теней были её глаза.

После спектакля начался банкет. В фойе были накрыты столы с шампанским и икрой. Элеонора представляла его «нужным людям»: меценатам, критикам, политикам. Все говорили

комплименты, говорили о «новом гении», о «прорыве». Алексей кивал, улыбался, пожимал руки, но всё это делал будто во сне.

Он искал её глазами в толпе и не находил.

«Ты произвёл фурор», — промурлыкала Элеонора ему на ухо, протягивая бокал с шампанским.

«Я видел её», — тихо сказал Алексей.

«Кого?»

«Девушку. В первом ряду».

Элеонора нахмурилась.

«Не говори глупостей. Я лично утверждала список приглашённых. Там не было никаких „простых девушек“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.